

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-87-98>

Отражение локальной культурной традиции в устных воспоминаниях о детстве (на материале речи носителей кубанских говоров)

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²

^{1,2} Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

¹ ogborisova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4461-8824>

² patriot30@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1524-8326>

Аннотация. В статье рассмотрены функциональный потенциал, тематика, содержание и языковые особенности устных рассказов-воспоминаний носителей кубанских говоров о детских годах (30, 40, 50, 60, 70-е гг. XX в.). Основной корпус текстов собран полевым методом в рамках диалектологических экспедиций (2005–2023 гг.). При анализе языкового материала использованы текстуальный анализ, метод тематической классификации, лингвистического комментирования языковых фактов. Показано, что в тематике и содержании устных воспоминаний о детстве старожильческого населения Кубани находит отражение локальная культурная традиция, которая, органично вписываясь в общенациональный культурный контекст, обладает особенностями, обусловленными спецификой региона как казачьего края. Отмечены повторяющиеся сюжеты, появление которых связано с обстоятельствами жизни, общими для данного диалектного сообщества. Установлен функциональный потенциал воспоминаний о детстве в плане определения концептуальных смыслов у отдельных понятий. Продемонстрировано, что важной составляющей локальной культурной традиции выступает кубанский диалект, усвоенный рассказчиками с детства и остающийся для большинства из них естественным средством коммуникации. Анализ языковых особенностей воспоминаний показал последовательное проявление диалектных черт на всех языковых уровнях, что позволяет признать рассказы информантов о детстве одним из эффективных способов консервации диалекта. В заключении отмечается научный потенциал устных воспоминаний о детстве как ценного материала для разноаспектных исследований феномена детства и для изучения такого уникального явления, как языковая генетическая память, сохраняющая диалект не только в пространстве, но и во времени. Также акцентируется внимание на дидактических возможностях проанализированных текстов, знакомство с которыми на уроках русского языка, истории, библиотечных уроках, классных часах будет способствовать укреплению преемственности поколений, формированию этнической идентичности, причастности к семейной истории людей, из судеб которых складывается история страны и народа.

Ключевые слова: кубанские говоры, устные рассказы-воспоминания, детство, типовые сюжеты, локальная культурная традиция

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Отражение локальной культурной традиции в устных воспоминаниях о детстве (на материале речи носителей кубанских говоров) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 6. С. 87–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-87-98>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Reflection of local cultural tradition in oral childhood memories (based on the speech of speakers of Kuban subdialects)

Olga G. Borisova¹, Larisa Yu. Kostina²

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ ogborisova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4461-8824>

² patriot30@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1524-8326>

Abstract. The article examines the functional potential, subject matter, content, and linguistic specific features of oral stories-memories of native speakers of Kuban subdialects of their childhood years (the 30, 40, 50, 60, 70s of the twentieth century). The main corpus of texts was collected through the field method within the framework of dialectological expeditions (2005–2023). Textual analysis, thematic classification, and linguistic commentary on linguistic facts were used to analyse the language material. The study shows that the subject matter and content of old Kuban residents' oral childhood memories reflect the local cultural tradition, which, while organically fitting into the national cultural context, has peculiarities determined by the specific features of the region as a Cossack land. We describe recurring plots which appear due to life circumstances common to this dialect community. The research has also established the functional potential of childhood memories in terms of identifying conceptual meanings of individual concepts. It is demonstrated that the Kuban dialect is an important component of the local cultural tradition. The storytellers learnt it in the childhood, and it remains a natural means of communication for most of them. The analysis of the linguistic features of the memories shows a consistent manifestation of dialectal features at all linguistic levels, which enables us to recognise the informants' stories about their childhood as one of the effective ways of preserving the dialect. The conclusion notes the scientific potential of oral memories of childhood as valuable materials for multidimensional analysis of the childhood phenomenon, as well as for studying such a unique phenomenon as linguistic genetic memory which preserves dialect not only in space but also in time. Additionally, the article focuses on the didactic potential of the analysed texts. Familiarisation with such materials during Russian language, history, and library lessons, as well as homeroom periods will contribute to strengthening generational continuity. Moreover, it will enhance ethnic identity formation and involvement in the family history of people whose destinies shape the history of the country and the nation.

Keywords: Kuban subdialects, oral stories-memories, childhood, typical plots, local cultural tradition

Acknowledgements. The study was financially supported by the Kuban Science Foundation within the framework of project No. 24-28-20008. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

For citation: Borisova O. G., Kostina L. Yu. Reflection of local cultural tradition in oral childhood memories (based on the speech of speakers of Kuban subdialects). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(6):87–98. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-87-98>.

Диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую.

Н. И. Толстой

Введение. Феномен детства в разных аспектах рассматривается представителями многих гуманитарных наук, что обусловлено важностью этого периода в жизни каждого человека как начала формирования его мировоззрения и личностного потенциала. Заметный вклад в изучение вербализации народных представлений о детстве вносят отечественные диалектологи, описывающие своеобразие мира детства в русских народных говорах (см. диссертационные исследования Т. Г. Комиссаровой¹, М. М. Угрюмовой², а также работы: [Багирова 2019; Большакова 2022, 2023; Воробьева, Митченко 2022; Ганичева 2019; Ильина, Комиссарова 2019; Кормазина 2016; Маркина 2021; Поповичева 2011, 2017, 2018; Угрюмова 2020, 2022; Харламова,

Москаленко 2019] и др.) и воплощающие его в лексикографических источниках, в том числе посвященных исключительно концептосфере «Детство»³. В диалектологических исследованиях данного направления ученые опираются не только на лексико-фразеологический фонд, информативной фактологической базой выступают устные рассказы-воспоминания информантов. В этой связи чрезвычайно важным является создание региональных текстовых фондов, отражающих локальную культурную традицию в репрезентации феномена детства.

В настоящее время авторами статьи подготовлена рукопись хрестоматии «Вспоминая былое», в которую вошли устные рассказы о прошлом носителей кубанских говоров (далее – КГ), имеющих две языковые основы – южнорусскую и украинскую.

¹ Комиссарова Т. Г. Детство в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2019. 211 с.

² Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 164 с.

³ Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / под ред. М. М. Угрюмовой. Томск: Изд-во Томского университета, 2018. 200 с.

Воспоминания записывались сотрудниками и студентами филологического факультета Кубанского госуниверситета в течение длительного периода (с конца 1960-х гг. по 2023 г.). Основной корпус текстов был сформирован по материалам диалектологических экспедиций под руководством авторов статьи (2005–2019 гг.). Кроме того, в хрестоматию вошли тексты-воспоминания из «Опыта словаря кубанских говоров»⁴, фрагментированные его автором⁵. Значительный корпус воспоминаний составляют рассказы о детских годах, которые пришлись на 30, 40, 50, 60, 70-е гг. XX столетия. Обращение к теме детства закономерно в силу того, что диалектолог, используя коммуникативные стратегии выстраивания разговора, целенаправленно ориентирует респондента освещать основные этапы его жизни, одним из которых является детство.

Цель данной статьи — проанализировать функциональный потенциал, тематику, содержание и языковые особенности устных рассказов-воспоминаний старожильческого населения Кубани о детстве, отражающие конкретную локальную традицию, способствующую формированию этнической идентичности, во многом обусловленной органичной связью с историей своей семьи и своего народа. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие **задачи**: 1) представить тематическую панораму воспоминаний о детстве; 2) выделить тексты, имеющие локально маркированную тематику; 3) выявить типовые сюжеты и дать их структурную характеристику; 4) раскрыть функциональный потенциал воспоминаний о детстве в плане формирования концептуальных приращений у отдельных понятий; 5) рассмотреть языковые особенности записанных воспоминаний. В работе использованы текстуральный анализ, методы тематической классификации, лингвистического комментирования языковых фактов.

⁴ Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.

⁵ Фрагменты воспоминаний о детстве, отобранные из «Опыта словаря кубанских говоров», приводятся только с указанием населенного пункта, где осуществлялась запись информанта.

Анализ. Показательной особенностью воспоминаний о детстве является акцент рассказчиков на многодетности семей: ребячьи компании только на одной улице могли состоять из нескольких десятков детей:

Мы ра'ньшы гуля'лы. У на'с було' дитэ'й бога'то. И було', я'т бы два гурта': стар'шый гурт и мэ'ньшый гурт⁶ (ст-ца Новодеревянковская);

Со'рак два дитя' бы'ла. Вот вы'скачиш, ка'ждая симья', нас тро'я, тут че'твира бы'ла, там пять душ, ужэ' там че'твира, то пять душ. Шас е'сли ади'н вы'шыл, то харашо' (А. А. Панченко, 1940 г. р., ст-ца Передовая).

В подавляющем большинстве рассказчики передают собственные воспоминания, но могут пересказывать и чужие:

Ба'бушка де'лала заква'ску са шкуры'нкаю и прятала у по'грип, а у'трам нисла' на база'р. А мальчи'шки ж, де'ти бы'ли малинькие, ест хате'ли пастая'нна, и ото ана' прикро'ет-та по'грип, а ани' празна'ли... Ани' возьму'т и шкуры'начку павару'ют у ниэ' <...> Так ана' лази'ну возьмёт и бе'гает за ни'ми <...> И ото' ате'ц мне расска'зывал фсю жысь, как за шкуры'начку палуча'л ат ма'тири (ст-ца Кушёвская).

Зарегистрированы также пересказы чужих воспоминаний о детстве самого рассказчика, повествующего о себе с чужих слов:

Я соса'ла жо'вку. Вото' маку'хы нажую'ть, в ма'рлу накладу'ть, уткну'т мине' — и всё. Я оцю' жо'вку сосу', сосу', та и задыхну'ся. Та сти'ко мэ'нэ' и бригади'р отка'чивал, и куха'р-кы отха'живалы, потому' шо оно', воцю' ма'рлу, я йии' засосу', она' аш оту'т, в пишиво'м була'. Ма'ма прыхо'дэ, а я вся чёрна, потому' шо затяну'ла ма'рлу и чуть ны задыхну'лася (ст-ца Старощербиновская).

Тематическая панорама зафиксированных воспоминаний демонстрирует обусловленность самоидентичности тесной связью с историей семьи, малой родины и страны в целом. Воспоминания жителей Кубани объединяются по тематическим рубрикам. Их выделение и дробность проδικтованы прежде всего содержанием имеющегося языкового материала и стремлением

⁶ Фрагменты воспоминаний подаются малограмотным письмом.

отразить тематическое многообразие воспоминаний о детстве. Проиллюстрируем рубрикации воспоминаний, а также наполнение рубрик отдельными примерами.

Во что и как играли дети

Па кру'гу стана'ви'лись, у ка'ждава па клю'шки и па лу'нки ря'дам, а пасриди' кру'га де'лали лу'нку, куда' заганя'ли ба'нку. Все крича'ли: «Па дука'м!» и стара'лись па'лкай папа'сть в лу'нку. А ста'рый дука'рь, виду'щий, адби'вал, йиму' на'да бы'ла папа'сть в лу'нки други'х играко'ф (А. М. Барабанов, 1933 г. р., ст-ца Архангельская);

В жута' гра'лы. Сида'лы в крух, а однэ' би'гае с тря'пкою, зза'ду покла'в кому', як оно' дога'далось, бижы'ть за тобо'ю. А ты' бижы'ш на ёго ми'сто сида'ть. Як узива'в – зна'чить штраф (ст-ца Журавская).

Детские игры имеют большое значение в социализации ребенка, воспитывают в нем чувство коллективизма, способствуют физическому и умственному развитию. Воспоминания данной тематики многочисленны.

Малочисленны рассказы об игрушках, поскольку они были редкостью:

Кук'лы у на'с булы' тряпча'ни. Е'сли така' пласма'сова – цэ бога'цтво страшнэ' (ст-ца Староджерелиевская).

В основном игрушки были самодельными:

И лапто' бы'ла у на'с – э'та мя'чик. А мя'чки каки'е бы'ли: каро'вы линия'ли, и вот с э'тай шэ'рсти нам ката'ют ради'тили мячи' (ст-ца Архангельская);

А кук'лы вси бы'ли тряпча'ни, самодэ'льны (ст-ца Новоминская).

Показательно, что дети находили способы поиграть, даже когда были заняты по хозяйству:

Мы, дитьмы', днём, як було', пасэ'м худо'бу, так по трави' ло'вым ко'ныкив, а тоди' щита'им, в кого' би'лышы, в кого' краси'ви'шы (ст-ца Азовская).

Детское времяпрепровождение вне игр

Свободное времяпрепровождение детей во многом зависело от времени года, например:

Цэ було' у моём ди'цтви. Пишлы' мы на ри'чку, до то'го накупа'лись, шо уся' муля'ка подня'лась и на на'с си'ла. У муля'ки вси усы', борода' (ст-ца Крыловская);

Фсё вре'мя правади'ли на у'лицы. И е'си э'та зима', то бы'ли снiшки', стро'йка кре'пасти, даганя'лки фся'кие плюс ишэ' ката'ние на льду'. А так как каньки' бы'ли тада' дифицы'там, то мы адни' и те' жы каньки' друх дру'шки бра'ли, и ни про'ста каньки' з бати'нками, а бы'ли каньки', като'рые на'да бы'ла вирэ'фками прикру'чивать паве'рх ва'линак и'ли сапо'х (Т. И. Черненко, 1961 г. р., ст-ца Ленинградская).

О дошкольном периоде

На площа'тку ти'ки уцэ' ма'тэ отвэдэ' мэ'нэ, а я зайду' в двир, дывлю'сь: куха'рка одвэрну'лась. А там була' ди'рка така' в забо'ри, а я ти'ки юрк у ту ди'рку и побиг'ла до до'му (пос. Пашковский);

А как ма'линькии бы'ли, на пе'чки сиди'м выгляда'им, басико'м. Ле'там хоть пабе'гаиш, а зимо'й, ско'лька жы'ла, да са'май шко'лы на пе'чки прасиде'ла (ст-ца Передовая).

Как и в чем ходили в школу

Нас возы'лы на тра'ктори в любу' пого'ду, бутка така' була' зро'блэна, сида'лы мы туда' (дитэ'й було' бага'то на ху'тори), сида'лы туда', и вызлы' нас у шко'лу (ст-ца Брюховецкая);

А як хло'пци ны ходы'лы в шко'лу, я ходы'ла в ма'мыных гало'шах. Нога' така', а гало'ш такы'й, ма'мын. Нычэ'! Рызы'нкой ма'ма прывя'зала и'ли вирэ'вкой. А грясь викова', цэ ш сича'с асфа'льт. Я до до'му прышла', а гало'ш оды'н (г. Славянск-на-Кубани).

О школьном быте

У на'с нат крава'тью висе'ли вот э'ти шпале'ры. И када' я пашла' в пе'рвый класс, парэ'зали э'ти шпале'ры, карандашо'м линии зде'лали, шшы'ли, и как титра'тка была' (ст-ца Родниковская);

Ручэ'к нэ' було', до па'лочки прытуля'лы тэ пэро', ны'ткой прывя'зали. Чирны'льницы поя'вы'лыся, и вмока'лы у чирны'льницею и пыса'лы (ст-ца Старотитаровская).

Об учителях

А в нас був той, Мэ'двидь Сэрге'й Па'влыч. Вы нэ' зна'ете ёго'? Дире'ктором тут був в шко'ли. Вин нас по исто'рии занима'л (ст-ца Новоплатнировская);

Свитла'ну Аликсе'ину <...> Я иё' по'мню харашо', как ма'ма миня' приви'ла' ф шко'лу, и ана' фстрича'ла. На ней бы'ла галубо'е пла'тье гаро'хам, кру'пные вот таки'е гаро'шыны, и вот э'та га'рох э'тат я по'мню да сих пор. Пра'вда, вот ана' у миня' пе'рид глаза'ми ста'ит, как ана' в э'там пла'тьи (Н. А. Кото'вец, 1943 г. р., ст-ца Раздольная).

Отметим, что информанты без труда называют имя, отчество, фамилию учителей, с благодарностью вспоминают связанные с ними эпизоды школьной жизни, что свидетельствует об авторитете сельского учителя.

О случаях из школьной жизни

Я була' така' очама'ха: то чирны'лки побью'. Мою' чирны'лку разбы'лы, и я тры чирны'лки разбы'ла (ст-ца Васюринская);

Нас атпра'вылы у шко'лу. Мы прыйи'халы вжэ в ноябри'. Ди'ты уми'лы шось там, буквы. А я ду'маю: пидниму' ру'ку. А учи'тильнца ка'жэ: «Ну яка' буква, Лю'ба?» Я отвича'ю, шо «рэ». А учи'тильнца ка'жэ: «Пра'вильно, молодэ'ць!» А я нэ зна'ю, я наводга'т сказа'ла – и всэ (ст-ца Старотитаровская).

О детских проказах

Тётка ка'жэ: «Смотры'ть, ны робы'ть шко'ду. Мине' Бо'зинька усэ' расска'жэ». А мы взяли' той са'хар доста'лы, грызэ'м, а воно' вы'дно. Тоди' Бо'га затулы'лы, закры'лы, зави'сылы – усэ' спра'вылысь (ст-ца Журавская);

Поби'глы гуля'ть. До людэ'й поли'злы в огоро'т, нарвэ'м кавуни'в. А туди' прыхо'длю ввечери до до'му, а ти, у ко'го мы знэслы' башта'н, прышлы', ужэ' нажа'ловалысь, ужэ' ма'тэ з лозы'ною ждэ... (ст-ца Староджерелиевская).

О помощи родителям

Гы'лька – э'то ну ве'тка. Цэ ш ве'тка сича'с, а тоди' гы'льки' мы лома'лы сухи' и гото'вылы на обит' (на растопку печки), шоп ма'ма прышла' и на'м свары'ла... (хут. Куликовский);

А ма'тири як памага'лы. У на'с пало'в ни було', була' дали'вка. Мы йии' рышы'лы пама'зять. Писля' на'шэй пама'скы всэ' було' в глы'ни: и сти'ны, и двэ'ри (ст-ца Старомышастовская).

О раннем детском труде

Мы, ди'ты, ра'но научи'лись запряга'ть ко'нный. Ну нывсигда' палуча'лось. Булы' таки' ко'ни: як начнэ' дрыка'ть, шо и ны пидсту'пыш. Плачи'м, а тоди' хто-нибудь з вэлы'ких запряжэ' нам (ст-ца Азовская);

Хади'ла па на'ймах па'сти каро'в, па'сти бара'шык. Я нэ по'мню ужэ', па ско'ка удэ'нь. Ну тагда' ш булы' де'ньги – пять рубле'й! Цэ ты шо! Цэ багачи'. Я ма'мки аддаю'. Я бо'лышы каро'в па'сла (аул Хатукай).

О том, как недоедали в детстве

Лату'тики е'ти пякли'. Ма'ма наря'т дасть, и ака'цью абадра'ли усю' шко'рку и от талк'ли'. У сту'пу паталки' и прасе'й, а я прыду',

зна'чить, де'рть, со'я, хто што прыду'мая (ст-ца Успенская);

Бура'к прынаси'ли. Прынису'ть, а мы ста'им, как галача'та, гало'днаи. Вот ани' рэ'жут каля'сками, даю'ть нам, а мы хру'маим (ст-ца Чамлыкская).

О том, как дети добывали себе пропитание

Було', коро'ву пасэ'м, пи'дросткамы, у пи'джмурка гуля'им, мак йимо', на дэ'рвыо ла'зым – клей йимо' (ст-ца Дядьковская);

Оту'т, ря'дом, за уло'м, здоро'ва була' шовко'выця. И вэ'чиром по'сли войны' (а шо ж мы будэ'м йи'сты) бэрэ'м хли'ба та и на шовко'выцу. Взялы' хли'ба кусо'к и пишлы' на шовко'выцу, та и всэ (ст-ца Старотитаровская).

О детских страхах

Кура'й «перекати'-поле» мы называ'лы. И полудэ'нка ду'е, и оны', кураи', срыва'юцця и бижа'ть. А мы ду'маим: вовкы'. А мы подро'стки, и на'м стра'шно (ст-ца Курчанская);

Ма'тирь свою' я так любы'ла. Була' манэ'нькою, всэ за нэ'ю пла'кала вычира'мы: боя'лась, шоб она' ны вме'рла (ст-ца Новомалороссийская).

О детских обидях

Бра'тка паса'дить на са'нки, сижу' на са'нках, жду, пака' со'пли ни замёрзнуть. Тагда' иду' з гудко'м (ст-ца Архангельская);

Сэстра' в мэ'нэ мэ'ньша. Я до то'го йии' любы'ла, з у'ма схо'дыла. Луче' хай мэ'нэ два ра'за побью'ть, но йии' шоб нэ бы'лы. А вона'... В нэй нэ було' жа'ли. Вона' мэ'нэ нэ жали'ла (ст-ца Марьянская).

О детских радостях

Пэ'рвэ ма'я, яки' ра'ди булы'. Ой! Пра'знык! Прывызу'ть моро'жэное, прывызу'ть ситро'. Мы в о'чирить стоимо', дожыда'иш тэ моро'жэно (ст-ца Новониколаевская);

А роды'тэли робы'лы от позна' до позна'. Мы йих нэ ба'чили. Цэ бул пра'знык якы'й, е'сли мы ма'му побачим (ст-ца Старонижестеблиевская).

Чем болели и как лечились в детстве

А ка'к просту'ды булы'. Шаплы'к, ну как бо'чка. О туда' ма'тэ трав накида'е, налье' горя'чий воды' туды'. И уто' мы там, зала'зим туда' вдвоём, троём. И сыды'м хохо'чим (пос. Пашковский);

Барада'вки! У миня' сто'ка их бы'ла на лбу! Мне бы'ла лет де'сять-двина'ццать, и адна' жэ'ншина знако'мая из Аграно'ма ка'к-та вывя'зывала, узало'чки виза'ла, а тада' сказа'ла: «Пайди', Ра'я, закапа'й у наво'с, ни'тачка згниёт». И не'ту у миня', ничэ не'ту, ага' (с. Первореченское).

О воспитании детей

Я нэ по'мно, шоб нас бы'лы. Ба'бушка ну кода' там лица' дасть по горбя'ки (ст-ца Кушэвская);

Ради'тилий забра'лы, апридили'лы у калхо'с, а на'с тро'и астало'сь. Воспи'тувала плаща'тка, пато'м калхо'с воспи'тувал, пато'м рабо'талы (ст-ца Новомалороссийская).

Особое место в воспоминаниях о детстве занимают рассказы о Великой Отечественной войне, поскольку большинство наших собеседников — это дети войны. На всю жизнь у многих информантов запечатлелась картина проводов отца на войну:

Ба'тька забра'лы на войну'. Нам объявы'лы, а за'втра у'трам ужэ' паве'ски прынесли'. Ба'тька вы'проводылы. Многа' людэ'й провожа'лы. Дитэ'й было': одна' на рука'х нэсэ', одна' была' у тя'жы-стях (ст-ца Вышестеблиевская);

Забра'ли ацца' три ра'за и три ра'за вавраца'ли. Пасле'дний раз иво' забра'ли, а он папра-си'ль ма'му: «Ни буди' де'так! Они и так пла-чут фсэ' вре'мя». Ну, и фсэ'. И фсэ', а я ни спалэ', праны'ря. Гаварю' (шэпотом): «Па'та, падажди', я тибя' пацылу'ю» (Л. С. Несвитаило, 1938 г. р., пос. Дружный).

В 1942–1943 гг. Краснодарский край был оккупирован немецкими и румынскими войсками. Рассказчики прежде всего вспоминают о страхе перед фашистами, их жестокости, о ненависти к полицаям:

Як мэ'нэ' от ни'мцив хова'лы. Ма'ты ото' в я'му (тоди' ж зака'пывалы бурякы'), она' мэ'нэ' запихну'ла, соло'мою запну'ла, чуть ди'рочку зарубы'ла, шобы во'здух, и ото' я там була' (ст-ца Дядьковская);

В войну' у на'с був румы'н. Я взя'в и захова'в нага'н. Вин прыйшо'в, глять: ныма' нага'на. Вин став джыркота'ть, схваты'в мынэ' за у'хо, прыда-вы'в к сто'лу... (ст-ца Медведовская);

Я нэ'мца, чи то'го полица'я, укусы'ла. Када' эта, укусы'ла, вин одбы'в мынэ' от свое'й ногы', а пото'м уда'рив у'спитком мэ'нэ в пэ'рэт. У мэ'нэ оцэ' всэ сы'не було' (ст-ца Новошербиновская).

Рассмотренные тематические рубрики универсальны. Между тем присутствует и локально маркированная тематика. Так, для Кубани специфична тема неприятия казаками иногородних, для которых в местных станицах существует прозвище *каца'ны*, претерпевшее эмоционально-оценочную трансформацию от презрительной коннотации до иронической. Дети

перенимали отношение взрослых к приезжим, транслируя его в детской среде; см.:

Ф четвёртый класс я ходы'ла, и мэ'нэ' оды'н кацапчэнок взял, нэ, гла'вно, хотя' бы наш паца'н, а то кацапчэнок (цэ прые'жжый), «кацапчэнок» у на'с каза'лы, Буле'цкый Ко'стя. И вин, зна'чить, мэ'ня' ф туале'ти закры'в. Я там туале'т чуть нэ разнисла'! (ст-ца Каневская).

Приведем также в местной огласовке зарегистрированные в воспоминаниях детские дразнилки: *Каца'н — мазны'ця, дава'й дразны'ця!* *За руп — пита'к, каца'н — дура'к!*

Локально специфичны устные рассказы, где информанты проявляют языковую рефлексию. Многие носители КГ с украинской языковой основой, в отличие от носителей КГ с южнорусской языковой основой, уже в детстве осознавали: местная речь существенно отличается от литературной. Информанты вспоминают, что дома *бала'кали* 'говорили на кубанском говоре с украинской языковой основой', а на уроках нужно было *разговаривать* 'говорить на литературном языке'. Неспособность ребенка переключать языковой код создавала трудности в учебе. Приведем показательный фрагмент: *Па русскаму у миня' пло'ха бы'ла: уо'т я бала'каю. Как бала'каю, так ы ныса'ла* (ст-ца Тверская). Литературное произношение, особенно взрывное [г], во воспоминаниям информантов, вызывало насмешки, что нашло отражение в детских дразнилках:

— А как дразнили в школе тех, кто по-русски разговаривал?

— Ну каца'пы. А ищё дразни'лка така'я была': гу'си гого'чут, го'рот гори'т, вся'кая га'дость на «гэ'» говори'т. Говори'ть на «гэ'» — по-русски значит (ст-ца Гривенская).

Обращает на себя внимание наличие в собранных материалах повторяющихся с некоторыми вариациями сюжетов, география которых может быть довольно широка. Так, к типовым можно отнести сюжет «Как выживали в голод», соответствующий следующей структуре: охота на животных, которых люди обычно в пищу не употребляют, — приготовление их в пищу. Многие информанты рассказывают, как в голодное время ели ежей, сусликов и т. п., вынуждены были *ходы'ть в но'рки / по но'рках* 'в голодное время собирать зерно из нор полевых мышей', например:

А я ж ото', ма'ма ёжка извары'лы, ободра'лы, и як кура'тина. Но я нэ йи'ла ёжка. Як взду'маю про колю'чки... Си'льно йи'сты хоти'лося и си'льно пла'кала. Нэ могу', нэ ку'шала. А черэпа'х ку'шала (В. С. Гайда ра, 1935 г. р., ст-ца Гостагаевская);

– Мы в но'рки ходы'лы: выбира'лы, гдэ мы'шы натаска'ють... (с. Новопавловка).

Типовым является и сюжет о том, как родители, чтобы прокормить детей в голод, вынуждены были воровать в колхозе зерно и т. п., рискуя оказаться в тюрьме:

Папа'ню поста'вылы сторожува'ть в вимба'ри. Став вин носы'ть у карма'ни потро'шку зырно', а воно' було' ше и трав'лынэ, ну я'кось ёго' мы'лы, моло'лы да пыклы' ляпэ'ныкы (ст-ца Медведовская);

Галадо'фка ж была', мы ш таки'е ни'щие бы'ли. Ма'ма з двумя' дитя'ми. Ну, на таку' у нас зырно' бы'ла жэ. И ана' в биза'лтэр брала' зирна' и шла дамо'й. А абье'щики бы'ли – труси'ли И ма'му ш с э'тим зырно'м жэ залави'ли и суди'ли, што в биза'лтэрах ана' нисла'. Но, пра'вда, ей да'ли усло'вна (М. И. Граченко, 1940 г. р., с. Успенское).

Появление типовых сюжетов обусловлено обстоятельствами жизни, общими для данного диалектного сообщества.

Анализ воспоминаний о детстве продемонстрировал их функциональный потенциал в плане выявления концептуальных смыслов у отдельных понятий. Так, в рассказах о голоде довольно частотны диалектизм *маку'ха* 'жмых из семян подсолнечника' и его структурные варианты *макуша'ник*, *маку'шка*, *макуши'на*, что позволяет констатировать наличие у понятия *макуха* концептуального приращения 'еда, которая помогала выживать в голодное время', например:

Со'рок сыдмы'й гот бул тяжо'лый. Мы маку'хою жылы'. Ма'ма жмых поло'жэ у плато'чик носовы'й, возьму' у ро'т кусо'чик и смокту'ю, смокту'ю (с. Большой Бейсуг);

Мы в войну' маку'хой жылы' (ст-ца Динская).

Подтверждением указанного концептуального приращения является функционирование диалектной лексемы *маку'ха* в соответствующих прецедентных текстах: *Поешь и макуху, когда голодуха; Сыта коровка, колы/когда макуху не ест/йист*.

Отражением аксиологических ценностей сельского человека является реализация

в детских воспоминаниях традиционной для бесед с диалектоносителями антиномии *раньше – сейчас*. Информанты, сравнивая воспитание свое и современных детей, неодобрительно отзываются о поведении подрастающего поколения:

Други'е де'ти рабо'тали штурва'льными с аща'ми на камба'йнах на убо'рки, на таку' разгружа'ли машы'ны. Сича'с, кане'шна, тако'ва не'ту. На'шы де'ти аддыха'ют, ниче'м ни за'нитыи, бе'гают цэ'лыми дня'ми биз де'ла. Никаво' ли'шний рас ни заста'виш, патаму' ша ани' сваи' права' зна'ют (Н. К. Клименко, 1958 г. р., с. Гусаровское);

Загоны' сича'с на пичь дыты'ну, так она' тоби' и глаза' повыдыра'. А мы – на пичи'. Ты шо! У на'с ру'сськи пе'чи: як ка'ша була' зако'пана, там вси ди'ты. Оцэ' ма'ма, було, пры'йдэ з робо'ты: чи тут ка'ша зако'пана, вси собыра'лысь (ст-ца Дядьковская).

Встречаются высказывания, в которых информанты с позиции прожитых лет оценивают свое детство. Обращает на себя внимание двойственность восприятия, что может констатироваться самим рассказчиком: *По'сли войны' дэбэ'ло було', кони'шно. Трудно и вэ'сэло було'* (г. Тимашевск). В памяти одних детские годы запечатлелись как тяжелая пора раннего взросления. Другие вспоминают о них как о светлом, счастливом периоде, например:

Хоро'шэго нэ ба'чили. Я з два'цвосьмо'го, а в трыца'ти го'ди була' мала', на лобо'ткы була', бо ни'чэго було' йи'сты, трава' така' – либида' (ст-ца Новоластуновская);

Ни було' у на'с де'цтва. Так шо мы ни ба'чили ни ла'ски ни ска'ски, ни конфе'т я ни зна'ла, я их ни и'ла. Я роди'лася ужэ' бис па'ты, па'па поги'п, так би'дной ма'мы доста'лося... (ст-ца Старошербиновская);

– Ка'жный ве'чир мы цю ка'ску слу'хали. Бува'е, лыжымо', ба'тько чи ма'ты шось расска'зую: чи яку' ка'ску, чи яку' п'райзвиде'ние. Так ве'сила було' (с. Большой Бейсуг);

Ра'ншэ було' вэ'сэло. Як кани'кулы, так ти'кэ ди'ты и гаса'лы по у'лыци (ст-ца Марьянская).

Накопленный жизненный опыт позволяет рассказчикам прийти к умозаключению, коррелирующим с философским осмыслением этого важного для каждого человека периода жизни. Приведем показательное рассуждение жительницы с. Шевченковского Крыловского района Н. И. Сенцовой, 1945 г. р.:

Дицтва, ише' Конфу'цый, де'-та я чита'ла, сказа'в, шо ка'ждое поколе'ние свое' врэ'мя хва'лит. Так шо мы свое' хва'лым, вы свое' будэ'тэ хвалы'ть поколе'ние.

Таким образом, тематика и содержание детских воспоминаний, записанных на Кубани, во многом обусловлены фактором локальности, поскольку в них отражается этнически детерминированная культурная и социальная информация, ценная для осмысления опыта прошлых поколений носителей КГ.

Рассмотрим языковые особенности устных рассказов-воспоминаний о детских годах. Среди рассказчиков преобладают информанты, для которых говор — естественная речевая среда. Между тем в наших материалах представлены также воспоминания сельских жителей Кубани, владеющих диалектно-литературным двуязычием, способных к переключению кода в зависимости от условий коммуникации (данное речевое поведение характерно для носителей КГ с украинской языковой основой). Обладая языковой генетической памятью, такие рассказчики, погружаясь в прошлое, последовательно воспроизводят говор своей малой родины.

Специфическими маркерами для детских воспоминаний являются предложно-падежная конструкция *в(у) де(и)тстве*, такие выражения, как *колы/когда мы были мали..., когда был пацаном..., колы дивчиной була...* и др., числительные, называющие детский возраст, а также наречия, указывающие на отнесенность объекта воспоминания к детским годам: *зма'лку, с куко'л, смальства', с пу'пенка, с пу'пичка* и др.

Поскольку события, связанные с детством, относятся к отдаленному прошлому, в воспоминаниях информантов, как правило, преобладают глагольные формы прошедшего времени совершенного вида (сюжетное время) и характерные для информативного повествовательного регистра глагольные формы несовершенного вида, служащие показателем замедления действия, его конкретизации. В значении прошедшего времени могут использоваться глаголы настоящего времени, благодаря которым возникает ощущение, что действие, о котором идет речь, происходит в момент беседы.

Показательными лексическими маркерами воспоминаний о детстве являются

наименования детских игр. Информанты часто рассказывают о том, во что играли в детстве: *Тада' и'грав бы'ла мно'га. Я люби'л в жмурка' игра'ть. В жмурка' — хавали'ся* (с. Кулешовка). Синонимом общенародного *игра* в КГ выступает диалектизм *гульня'*. Как правило, информанты употребляют названия игр в составе устойчивых выражений, которые можно разделить на две группы: 1) номинации, включающие диалектные лексемы: *(и)грать / гулять в (у) дуга'* — 'играть, загоняя палкой какой-либо предмет в лунку', где *дуг* — лунка, ср. 'ямка при игре в клюшки, в которую нужно загонять шар'⁷; *(и)грать в (у) жута'* — 'играть в догонялки, где ведущий ударяет поясом того, кто должен догонять', где *жут* — диалектный структурный вариант общенародного *жгут*, возникшего из *жигут* — 'жгут', производного с помощью суффикса -*ут* от той же основы, что и диал. *жига'ть* — 'бить чем-то тонким и гибким', *жигу'н* — 'кнут'⁸; *(и)гра в (у) казанки'* — 'играть с использованием костей: одной большой костью сбивается ряд маленьких; аналог городков', где *казано'к* — 'кость запястья' (ср. *казе'й* — 'лодыжка, голеностопный сустав', донск.)⁹; 2) номинации, состоящие из общенародных слов: *(и)грать в(у) сковородку* — 'играть с использованием яиц, первоначально исключительно пасхальное развлечение, играли и взрослые парни 18–20 лет'; *(и)грать в(у) ножничек* — '1) бросать нож из разных положений; игра носит соревновательный характер; 2) 'бросать нож в круг, разделенный на четыре части; участник получает в случае попадания отрезок земли в круге'; *(и)грать в(у) хатки* — 'играть в куклы'.

Характерная черта детских воспоминаний — прецедентные тексты из детского фольклора: присказки, заклички, считалочки, загадки и др., например:

Ва'ня-куба'ня, палити' на не'пка, там твай' де'тки ку'шают канфе'тки. Э'та мы в де'цтви так гавары'ли (ст-ца Архангельская);

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука, 1996. С. 550.

⁸ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 143.

⁹ Фасмер М. Указ. словарь. Т. 2. С. 159.

Мы какы'ш йи'лы. Ото' ви'змэм, ко'рочку зни'мым, пото'м поката'емо и ка'жэмо: «Кача'й-молоча'й, у мэ'ду мача'й». И тоди' йимо'. Вин тоди' сла'ткий, дэс' го'рость дива'йищя (ст-ца Нововеличковская).

В целом в языковом плане воспоминания о детстве представляют собой ценный источник, содержащий диалектную лексику и фразеологию. В связи с тем что в рассказах о детских годах затрагиваются различные тематические области, их диалектный лексико-фразеологический состав разнообразен. Например, рассказывая о том, как выжидали в голод, информанты используют диалектные наименования растений, которые употребляли в пищу:

Трава' така'я нападо'бии листо'чки, как у чиснака', то'лька малако' в ых... Ко'зликы ф по'ли расту'т, бурья'н тако'й, струч'ёк маладо'й, сла'ткий, в го'лат е'ли... Ко'злик я дю'жэ е'ла. То у миня' и ко'сы бы'ли, патаму' шта я траво'й пита'лася (ст-ца Архангельская) –

ко'злик 'козлобородник коротконосиковый'. См. также: *какы'ш* 'молочай', *ку'барь* 'белоголовник', *лобода'* 'лебеда' и др.

Диалектные названия болезней фиксируются в рассказах о том, чем болели и как лечили в детстве:

У мэ'нэ було' де'цкэ. Соси'дку погука'лы, она' мини' молы'твы прочита'ла, я вти'хла, до утра' спа'ла, и до сих по'р ныма' ныч'ёго (ст-ца Старотитаровская) –

де'тске 'детская болезнь – спазмофилия, тетания (судорожное состояние)'. См. также: *о'гнык* 'гнойное высыпание на губах и лице', *па'калки* 'ангина', *со'яшныци* 'острое желудочное заболевание' и др.

Многочисленные воспоминания о том, как помогали родителям, включают наименования орудий труда:

Я стара'лась ма'ми памага'ть (брат был ма'линский): на ру'шылку мало'ла кукуру'зу. Са-жу'сь сама' и мелю' на э'нту ру'шку. Ру'шка – э'та ме'льница (ст-ца Зассовская) –

ру'шка 'ручная мельница-крупорушка'. См. также: *граба'рка* 'совковая лопата', *реза'к* 'небольшая коса с короткой ручкой', *са'нка* 'тыпка' и др.

Воссоздавая прошлое, рассказчики используют лексику, номинирующую предметы быта того времени:

Кагане'ц был, и он гары'ть. И вот зале'зим на пе'чку, и там свет тако'й был. Кушы'н ста-ял гли'няный, и там ме'лам ма'ма писа'ла бук-вы мне, сатр'ёт пато'м и сно'ва пи'шыт (ст-ца Родниковская) –

кагане'ц 'светильник, состоящий из черепка с маслом и фитиля'. См. также: *гру'ба* 'печь, напоминающая голландскую', *мы'сник* 'подвесная полка', *сы'рно* 'низкий круглый столик' и др.

В воспоминаниях носителей КГ о детстве также встречаются диалектные наименования одежды, которую носили раньше:

Где'-та ма'ма даста'ла апо'рки с сапо'х, отэ'ти гало'вки, ну в сапага'х ни'жня часть. И в шко'лу в них хади'ла (ст-ца Отважная) –

опо'рки 'старая, изношенная обувь'. См. также: *капело'х* 'тёплая шапка с наушниками', *по'риши* 'обувь из целого куска кожи, стягиваемого шнурком у щиколотки', *чу'ни* '1) тапочки; 2) глубокие калоши' и др.

Эмоциональность и экспрессивность детских воспоминаний создается за счет использования рассказчиками диалектных фразеологизмов и устойчивых сравнений, например:

Ма'ма в калхо'зи. А систра' гавары'т: «Ну, ско'ра абе'дать будим? Люп, ско'ра абе'дать будим?» А вана' ста'нэ так ат со'нца, як тень, зна'чить (часо'в жэ ни було'), зна'чить, ужэ' абе'т. На'да абе'дать. Нальём так у ча'шку шо, и шопт кто'-та пе'рвый – нет. Рас, два, тры – пахвата'лы в адну' ру'чку, да и всё. Кто успе'л. Гаваря'т: ни успе'л ло'шку взять, в ча'шки до'нышка вида'ть (ст-ца Нижегородская);

Як булы' малы', на на'с напада'лы во'шы. Дружы'ла я з дивча'тамы. Прийшла' до и'х, а вони' вси побры'ти. Я вырну'лась до до'му и кажу' ма'тыри, шоб мынэ' то'жэ побры'ла. Ужэ' здоро'ва була', а дурна' як са'ло биз хли'ба (ст-ца Новомалороссийская).

В некоторых рассказах информантов зафиксированы устойчивые выражения, называющие обряды и ритуальные действия, в которых информанты, будучи детьми, принимали участие:

А на дру'гый дэнь ходы'ла виче'рю па двара'м носы'ла. Та я' рас прынысла' куттю' и на'чала раждиствава'ты, а хазя'йин дае' мни о такы'й кала'ч (с. Большой Бейсуг);

Душы'ть кабана'... Ага', вон там ри'жут кабана'. Мы пишлы' души'ть кабана'. Зари'жуть, смо'лють, кабана' накрыва'ють соло'мой и сажа'ют нас (детей) на то'го кабана', ужэ' нэжыво'го. На'до

душыть кабана', шоп са'ло я'к-то оддиля'лося лучшы (с. Новопавловка).

Информанты также в своих рассказах приводят устойчивые выражения, называющие ритуальные действия, которые совершались над ними в детстве в лечебных целях, например:

А кагда' мала' я була', мэнэ' лично ба'бушка лечи'ла. Испу'х вылива'ла. Воск або' смолу' порасто'пить и в во'ду, чётр испуга'йищя и вылива'йищя (ст-ца Бриньковская);

Миня' ма'ма в де'цтви вади'ла да ба'бушки (жыла' тут така'я) вылива'ть пирипало'х. Миня' саба'ка напуга'ла (у сасе'дий была' бальша'я саба'ка, и ани' иё забы'ли привиза'ть, или ана' сама' атвиза'лася). И вот ба'бушка вы'лила пирипало'х. И всё прашло' (г. Лабинск).

Анализ языковых особенностей записанных воспоминаний показал, что в них последовательно проявляются диалектные черты на всех языковых уровнях. В этой связи можно признать воспоминания о детстве одним из эффективных способов консервации диалекта, который в настоящее время неизбежно трансформируется под влиянием литературного языка и просторечия.

Выводы. Проанализированный в статье языковой материал позволяет сделать выводы как конкретного, так и общего характера. Представим конкретные результаты исследования. Репрезентированная в статье тематическая панорама записанных на Кубани рассказов-воспоминаний о детстве демонстрирует их политематичность. На примере конкретных фрагментов воспоминаний показано, что тематика текстов может быть как универсальной, так и локально маркированной, отражающей местный казачий уклад и языковую рефлексию носителей КГ с украинской языковой основой. Рассмотренные типовые сюжеты свидетельствуют об общности пережитого рассказчиками прошлого. Зафиксированное в результате контекстуального анализа формирование концептуализированных семантических признаков у отдельных лексических единиц подтверждает наличие у воспоминаний о детстве определенного функционального потенциала. Наблюдения над языковой составляющей записанных воспоминаний обнаруживают последовательное проявление в них диалектных черт.

Выводы общего характера: тематика и содержание записанных на Кубани устных воспоминаний о детстве продемонстрировали, что в них через призму детского мировосприятия отражается локальная культурная традиция, которая, органично вписываясь в общенациональный культурный контекст, обладает при этом локальными особенностями, что обусловлено спецификой региона как казачьего края. Важной составляющей локальной культурной традиции выступает кубанский диалект, являющийся для всех рассказчиков языком, усвоенным с детства, и продолжающий оставаться для большинства из них единственным и естественным средством коммуникации. Получив письменную обработку, воспоминания о детских годах оказываются ценным материалом для разноаспектных исследований феномена детства и для изучения такого уникального явления, как языковая генетическая память, благодаря которой диалект сохраняется не только в пространстве, но и во времени.

Обращение к устным рассказам-воспоминаниям о детских годах в школе целесообразно на уроках русского языка, истории, библиотечных уроках, классных часах. При этом аспекты применения материалов исследования в школьной практике разнообразны: языковой анализ текстов, сравнительно-сопоставительная характеристика периода детства литературных героев и реальных людей – носителей говора, привлечение текстов детских воспоминаний как источника по устной истории, использование в качестве фактологической базы для проектной деятельности и др. В целом знакомство с детством своих ровесников будет способствовать укреплению преемственности поколений, формированию этнической идентичности, основы которой закладываются в раннем возрасте, причастности к семейной истории, отражающей особенности жизни людей, из судеб которых и складывается история страны и народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багирова Е. П. Варианты наименований детей в русских говорах юга Тюменской области // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1(52). С. 70–75.
2. Большакова Н. В. «Детские» слова в диалектном дискурсе (на материале псковских

говоров) // Тезисы LI Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/50/layout/> (дата обращения: 05.05.2024).

3. *Большакова Н. В.* Модель мира детства в фольклорном дискурсе (на материале региональных текстов детского фольклора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 4. С. 1065–1069. <https://doi.org/10.30853/phil20220164>.

4. *Воробьева Л. Б., Митченко З. В.* Социокультурный феномен детства в аспекте этнопедагогике // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 288–292. <https://doi.org/10.55355/snv2022111304>.

5. *Ганичева С. А.* Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5(92). С. 66–77. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-5-92-5>.

6. *Ильина Е. Н., Комиссарова Т. Г.* Языковая картина мира вологодского крестьянина: в 2 ч. Ч. 2: Детство. Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2019. 176 с.

7. *Кормазина О. П.* Воспоминания о детстве: особенности жанра в аспекте возрастных различий рассказчиков // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4(30). С. 283–290.

8. *Маркина Л. В.* Репрезентация агрессивных проявлений в отношении детей в русском диалектном дискурсе // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 120-летию профессора Н. Н. Прокоповича. Владимир: Транзит-ИКС, 2021. С. 214–220.

9. *Поповичева И. В.* Названия детских игр в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 377–381. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.3>.

10. *Поповичева И. В.* Образные номинации детей и подростков в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров») // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 4А. С. 106–119.

11. *Поповичева И. В.* Социально-оценочное значение в диалектных наименованиях детей // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9(31). С. 213–217.

12. *Угрюмова М. М.* Игровая лексика в говорах Среднего Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 46–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/5>.

13. *Угрюмова М. М.* Обряды и суеверия, связанные с детьми, в говорах Среднего Приобья // Тезисы L Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой. Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 495–496.

14. *Харламова М. А., Москаленко В. С.* Маркеры возрастной стратификации в диалектном дискурсе и тематическая разметка текста // Гуманитарные исследования. Вестник финансового университета. 2019. № 3(24). С. 111–114. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2019-24-111-114>.

REFERENCES

1. *Bagirova E. P.* The variants of naming of children in Russian dialects of the south part of Tyumen region. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kurgan State University*. 2019;(1):70–75. (In Russ.)

2. *Bol'shakova N. V.* "Children's" words in dialect discourse (based on the Pskov dialects). *LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi, 14–21 marta 2023 goda, Sankt Peterburg: sbornik tezisev = 51th Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 14–21, 2023, St. Petersburg: the book of abstracts*. Saint Petersburg: SPbU Press, 2023. P. 1110–1111 [Electronic resource]. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/41498> (accessed: 05.05.2024) (In Russ.)

3. *Bol'shakova N. V.* Model of childhood world in folklore discourse (by the material of regional texts of children's folklore). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2022;15(4):1065–1069. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220164>.

4. *Vorobyova L. B., Mitchenko Z. V.* Socio-cultural phenomenon of childhood in the aspect of ethnopädagogy. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*. 2022;11(1):288–292. (In Russ.) <https://doi.org/10.55355/snv2022111304>.

5. *Ganicheva S. A.* Brother and sister's memories about village childhood: the linguogenderological aspect. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Cherepovets State University*. 2019;(5):66–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-5-92-5>.

6. *Ilyina E. N., Komissarova T. G.* The linguistic picture of the world of the Vologda peasant: in 2 p. Part 2: Childhood. Vologda: Vologda State University, 2019. 176 p. (In Russ.)

7. Kormazina O. P. Recollections of childhood: genre peculiarities in terms of narrators age differences. *Voprosy psikholingvistiky = Journal of Psycholinguistics*. 2016;(4):283–290. (In Russ.)

8. Markina L. V. Representation of aggressive manifestations against children in Russian dialect discourse. *Yazykovye kategorii i edynitsy: sintagmicheskii aspekt: materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu professora N. N. Prokopovicha. Vladimir, 28–30 sentyabrya 2021 g. = Language categories and units: syntagmatic aspect: proceedings of the 14th International Scientific Conference dedicated to the 120th anniversary of Professor N. N. Prokopovich. Vladimir, September 28–30, 2021. Vladimir: Transit-ICS, 2021. P. 214–220. (In Russ.)*

9. Popovicheva I. V. Children's games nominations in the Russian dialects (by the material of "Dictionary of the Russian Folk Dialects"). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2018;(11, Pt.2):377–381. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.3>.

10. Popovicheva I. V. The figurative nominations of children and adolescents in the Russian dialects (based on the material of "Dictionary of the Russian Folk Dialects"). *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*. 2017;7(4A):106–119. (In Russ.)

11. Popovicheva I. V. Socially-estimated value in dialect names of children. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*. 2011;(9):213–217. (In Russ.)

12. Ugryumova M. M. Gaming vocabulary in the Middle Ob dialects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2020;(452):46–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/452/5>.

13. Ugryumova M. M. Rites and superstitions related to children in the Middle Ob dialects. *Tezisy L Mezhdunarodnoi nauchnoi filologicheskoi konferentsii imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi. Sankt Peterburg, 15–23 marta 2022 g. = 50th Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference. St. Petersburg, March 15–23, 2022. Saint Petersburg: SPbU Press, 2022. P. 495–496. (In Russ.)*

14. Kharlamova M. A., Moskalenko V. S. Age stratification markers in dialectal discourse and thematic text marking-out. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2019;(3):111–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2019-24-111-114>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Геннадиевна Борисова, доктор филологических наук, доцент, профессор

Людмила Юрьевна Костина, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой современного русского языка

Olga G. Borisova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor

Lyudmila Yu. Kostina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head Department of Modern Russian Language

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 15.07.2024.

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 15.07.2024.